

АЛЕКСАНДР НИМИЕВИЧ РОДНЫЙ

доктор химических наук,
главный научный сотрудник
Института истории естествознания
и техники им. С. И. Вавилова РАН
Москва, Россия;
e-mail: anrodny@gmail.com

УДК 316.444.5

Когнитивно-институциональная и предметно-дисциплинарная мобильность российских естествоиспытателей в XVIII — первой половине XIX в.

На основе концепции профессиональной мобильности ученых исследуются когнитивно-институциональные и предметно-дисциплинарные аспекты формирования российского сообщества естествоиспытателей в XVIII — первой половине XIX столетий. Прослеживаются истоки возникновения дисциплинарных сообществ в области естествознания (биологов, химиков, физиков, минералогов и геологов). Рассматриваются процессы социализации ученых в рамках новых организационных форм существования экспериментальной науки (исследовательских экспедициях, химических, физических и минералогических лабораториях, метеорологических обсерваториях, опытных мастерских, садах, полях и фермах). В работе фокусируется внимание на вопросах специализации естествоиспытателей, начавшейся в Академии наук и получившей развитие в высших учебных заведениях и научно-практических обществах. В контексте проведенного исследования сделаны выводы, которые являются ориентиром для дальнейшего изучения историко-научных проблем профессиональной деятельности ученых.

Ключевые слова: профессиональная мобильность ученых, естествоиспытатели, история науки XVIII — XIX вв., научная дисциплина, учебная дисциплина, лаборатория, кафедра, естественнонаучный кабинет, музей, научное общество.

Изучение когнитивно-институциональной и предметно-дисциплинарной мобильности базируется на уже проведенном исследовании о международно-региональной и ведомственной мобильности, результаты которого опубликованы ранее¹.

Напомним, что под *когнитивно-институциональной* мобильностью понимается смена ученым рабочих мест в процессе его научной деятельности (лабораторий, кафедр, обществ, ученых комитетов, естественнонаучных кабинетов, музеев, экспедиций, экспериментальных и производственных организаций и предприятий и т. д.); а под *предметно-дисциплинарной* мобильностью — смена области исследования или научной дисциплины. Изучение мобильности ученых — это ключ к пониманию процессов их профессионализации, социализации и стратификации в социуме.

¹ Родный А. Н. Международно-региональная и ведомственная мобильность российских естествоиспытателей в XVIII — первой половине XIX вв. // Социология науки и технологий. Т. 7. № 2. 2016. С. 8–28.

Как было показано в предыдущей статье, прибывшие в Россию из Западной Европы, в большинстве своем из Германии, специалисты, обладавшие навыками экспериментальной работы, нашли применение в различных государственных организациях, особенно по военному, медицинскому и горному ведомствам. Эти специалисты в основном несли службу в Москве, а после основания Северной столицы и в Петербурге. Некоторым из них приходилось принимать участие в экспедициях по городам и весям Российской империи.

После основания Академии наук (АН) с ее университетом и гимназией академики, профессора и адъюнкты получили реальную возможность заниматься научными исследованиями. Однако в их обязанности входила не столько научная работа, сколько преподавание в академическом университете и помощь государственным учреждениям в решении практических задач. К тому же у них была возможность иметь частную практику в качестве врачей, фармацевтов и учителей, что во многом определяло их социальный статус в российском обществе.

С открытием Московского университета (МУ) и других высших учебных заведений медицинского, инженерного и педагогического профиля естествоиспытатели во второй половине XVIII в. получили новые рабочие места для занятий научно-педагогической деятельностью. Как и в АН, профессорско-преподавательские должности в них по-прежнему занимали преимущественно иностранные специалисты. Вторая половина столетия — это время социально-экономического и культурного роста страны: повышался образовательный уровень населения, увеличивалась свобода предпринимательства, росли города и во многих отраслях народного хозяйства внедрялись научно-технические новшества. Но, несмотря на эти позитивные изменения, по-прежнему в стране оставались два культурных и научных центра — Петербург и Москва. Поэтому региональная мобильность ученых хотя и выросла, но только за счет маятниковой миграции между двумя столицами. Если говорить о ведомственной мобильности ученых в этот период, то она была совсем незначительной. Но при этом произошел рост внутриведомственной мобильности. У специалистов, в том числе склонных к исследовательской работе, появились новые внутрикорпоративные возможности в реализации своих профессиональных знаний, навыков и умений в качестве преподавателей учебных заведений, ботаников, зоологов, металлургов, врачей, агрономов, инженеров, управляющих и т. д.

В первой четверти XIX столетия в крупных городах Российской империи были организованы новые университеты, где постепенно стали концентрироваться основные научные кадры. Несмотря на появление этих университетов, Санкт-Петербург в первой половине XIX в. только упрочил свое лидирующее положение; возникла новая конфигурация в научной жизни страны: с центром в столице, «ближней» периферией в лице Москвы и Дерпта и «дальней» периферией в Харькове, Казани, Вильно и Варшаве. Эта диспозиция во многом определяла силовые линии миграции ученых, их региональную мобильность.

О новом этапе в процессе институционализации отечественной науки можно говорить начиная со второй четверти XIX в., когда стали создаваться научные советы и комитеты при министерствах и департаментах. Значение этих структур определялось не столько тем, что они содействовали продвижению важных научных изысканий, а скорее тем, что они благоприятствовали созданию атмосферы значимости прикладных исследований и таким образом содействовали распространению сциентистского движения в российском обществе. В этих советах и комитетах

различные должности получили не просто управляющие, занимавшие высокое положение из-за своего социального статуса, приближенности к начальству или выслуги лет, а высококлассные специалисты. Конечно, все эти явления в определенной степени присутствовали, но главное — это то, что профессиональные корпорации получили возможность управления научно-технической политикой своих ведомств. Это не могло не сказаться на внутриведомственной мобильности ученых и на региональной мобильности, когда их знания находили применение на обширных территориях Российской империи. Это тем более важно, что международная мобильность уже во второй половине XIX в. снизилась из-за политики русификации и постепенного отказа от услуг иностранных специалистов.

Становление системы когнитивно-институциональных структур в XVIII столетии как возможность профессиональной деятельности естествоиспытателей

Петровские преобразования уклада российской жизни способствовали развитию экономики, в первую очередь тех ее отраслей, которые связаны с военной техникой (горнозаводской промышленностью, судостроением, фортификацией и навигацией). При этом обеспечение театров военных действий и поддержание необходимого уровня трудовых ресурсов страны способствовало созданию системы военного и народного здравоохранения.

Учитывая то, что основная масса естествоиспытателей в XVIII — первой половине XIX в. имела медицинское образование, то важную роль для становления отечественной науки сыграли институты профессий медико-биологического профиля: врача, фармацевта и ветеринара. Развитие государственного здравоохранения способствовало появлению госпитальных учреждений с их школами, военно-медицинских школ и академий, медицинских и фармацевтических факультетов при университетах, ветеринарных школ, врачебных и фармацевтических обществ, аптек и аптечных огородов, государственных структур управления, а также службы военных, дворцовых и частных практикующих врачей.

До создания Петербургской академии наук и художеств (АН) в 1724 г. естествоиспытателей в современном понимании было, пожалуй, не более десятка. Среди них можно назвать служащих Медицинской канцелярии и натуралистов Д. Г. Мессершмидта, И. Х. Буксбаума и Г. Шоберга. С Мессершмидта, возглавившего в 1719 г. по заданию канцелярии экспедицию в Сибирь, по существу, началась эпоха отечественной полевой практики в области естествознания. Это позволило А. Вусиничу говорить о российской науке XVIII — первой четверти XIX в. как об «*экспедиционной науке*», сформировавшейся в результате участия ученых в освоении и изучении обширных территорий страны [Vicinich, 1963]. В этих экспедициях сложился своеобразный микроклимат поисковых партий, мотивировавший ее участников к проведению научных исследований и изысканий. Что касается Буксбаума, то он при Медицинской канцелярии в 1721 г. организовал *Аптекарский огород* и проводил там ботанические исследования, тематика которых выходила за пределы прикладной медицины. Шоберг был не только врачом и натуралистом, но проводил геологические изыскания. Во время экспедиции в Самарскую губернию в 1717 г. им были

открыты залежи серы, что позволило построить завод для промышленного их освоения [Шобер, 2016].

Появление первых генеральных госпиталей и госпитальных школ, в Москве, Петербурге и Кронштадте, послужило толчком к становлению экспериментальной базы медико-биологического направления. В школах обучение врачебному искусству проходило непосредственно у постели больного и шло параллельно с освоением теоретических предметов. Самым крупным из госпиталей был Московский. О масштабах его деятельности можно судить по числу пациентов (1996 чел.), которые с 1708 по 1712 гг. находились там на излечении [Уткина, 1971, с. 22]. Начальником этого госпиталя и госпитальной школы был Н. Л. Бидлоо, который преподавал там анатомию, хирургию и акушерство и организовал *анатомический театр*. Бидлоо считается основателем научного медицинского образования в России [Лазебник, 2010, с. 100], что дает повод причислить его к первыми отечественными естествоиспытателям.

Помимо медицинского ведомства в становлении российского естествознания заметную роль сыграло и горное ведомство в лице Рудного приказа, а затем и Берг-коллегии. Прикладные геолого-минералогические исследования проводили И. Ф. Блюэр и Г. Шлаттер. Причем в рамках Берг-коллегии существовала Монетная канцелярия с Монетным двором и «пробовальной палаткой», которая в 1745 г. была преобразована в лабораторию, где ее директором стал Шлаттер. Служащие Берг-коллегии занимались как экспедиционно-поисковой, так и технико-аналитической работой [Заблоцкий, 2014].

Организация АН способствовала появлению там новых когнитивно-институциональных структур, ставших фундаментом профессиональной деятельности ученых в России. Прежде всего, это *система кафедр* при Академическом университете, которая заложила первую дисциплинарную матрицу отечественного естествознания. Среди кафедр медико-биологического профиля были: ботаники и натуральной истории (с 1731 г. химии и натуральной истории), физиологии, анатомии. Тематика кафедр не была строго регламентирована, а зависела от ученых, которые ими заведовали. Так, в 1725 г. кафедру ботаники и натуральной истории возглавил И. Х. Буксбаум, а в 1731 г. эта кафедра уже под названием химии и натуральной истории перешла к И. Г. Гмелину. Переименование кафедры было логичным, так как ботаника являлась частью натуральной истории, а ее выделение как самостоятельной дисциплины являлось просто данью уважения Буксбауму, который был признанным специалистом в этой науке. Геолого-минералогическое направление в АН, по существу, началось с Гмелина, которого помимо флоры и фауны интересовали вопросы, связанные с минералами и их классификацией [Волков, 2003, с. 140].

Важной вехой в становлении системы когнитивно-институциональных структур российского естествознания стало создание *кабинета натуральной истории* сперва как отдела Кунсткамеры, а затем подразделения Академии наук, где работали известные естествоиспытатели. Среди них — профессор анатомии, хирургии и зоологии И. Г. Дювернуа, ботаники и натуральной истории И. Амман, физиологии И. Вейтбрехт, химии и натуральной истории Гмелин и адъюнкт натуральной истории Г. В. Стеллер [Биология, 2016, с. 326]. В научных, просветительских и учебных целях в 1726 г. при Академии был создан *анатомический театр*, где занимались исследованиями те же Дювернуа и Вейтбрехт [Биология, 2016, с. 32].

Формально химия в Академии началась с создания в 1726 г. *кафедры химии и практической медицины* под руководством академика М. Бюргера, которому президент АН Л. Блюментрост советовал: «Если вас несколько затруднит химия, то можно ее откинуть, так как вы будете в особенности принадлежать к практической медицине...» [Трифонов, 2002, с. 7]. Также и Гмелин, возглавивший кафедру *химии и натуральной истории*, химии уделял мало внимания. Ему принадлежит только несколько обзоров по этой науке. Зато он активно изучал горные породы, сырьевые ресурсы России, составлял минералогические каталоги и считается одним из пионеров отечественной минералогии. Только с 1745 г., когда профессором химии стал М. В. Ломоносов, организовавший в 1848 г. первую в России *химическую лабораторию*, эта дисциплина получила признание в научном сообществе как самостоятельная отрасль естествознания. Не ограничиваясь работой в АН, Ломоносов проводил свои эксперименты еще в *домашней лаборатории* и на стекольном *заводе*, построенном им под Петербургом [Волков, 2004, с. 141]. Этот завод, по существу, являлся *частной промышленной лабораторией*.

Физическая наука в АН началась с организации *кафедры теоретической и экспериментальной физики*, которую с 1725 по 1730 гг. возглавлял Г. Б. Бюльфингер, пока его не сменил на этом посту в 1731 г. Л. Эйлер, а того в свою очередь в 1733 г. Г.-В. Крафт. При Крафте был организован *Физический кабинет*, где хранились и использовались инструменты и приборы из Кунсткамеры. С Крафта экспериментальные исследования получили постоянную прописку на кафедре [Моисеева, 2003, с. 95]. Крафт пришел на кафедру теоретической и экспериментальной физики с кафедры «генеральной математики», поменявшись местами с Эйлером [Крафт, 2016]. Такие обмены кафедрами не были редкостью в академической среде, что говорит о когнитивно-институциональной мобильности ученых первой половины XVIII в.

Открытие МУ способствовало созданию новых учебных кафедр, где появилась возможность работать людям склонным к исследовательской деятельности. Во второй половине XVIII в. медико-биологические науки в университете были представлены следующими кафедрами: Анатомии и хирургии с *Анатомическим театром* и Университетским лазаретом, *Теоретической медицины*, *Ботаники и зоологии*. Кафедра *Натуральной истории (Естественной истории)* с *Музеем натуральной истории (Кабинетом натуральной истории)* являлась, по существу, междисциплинарной, где проводилась учебная и научная работа по медико-биологической и геолого-минералогической тематике. Профессор этой кафедры М. И. Афонин в 1770–1774 гг. помимо своих кафедральных обязанностей читал курсы домоводства (животноводства) и земледелия, а когда в 1777 г. стал профессором Горного училища в Петербурге, то преподавал химию, минералогию и горное дело [Волков, 2003, с. 32].

Кафедра химии при медицинском факультете появилась в МУ в 1758 г., а *химическая лаборатория* в 1760 г. Эту кафедру в разное время возглавляли И. Х. Керштенс (1758–1770), П. Д. Вениаминов (1770–1775), С. Г. Зыбелин (1775–1802) и Ф. Г. Политковский (1802–1804). Помимо курсов общей химии профессора проводили занятия по врачебному веществу и аптекарской химии. В 1804 г. по новому университетскому уставу Кафедра химии была передана с медицинского факультета на естественное отделение физико-математического факультета [Зайцева, 2016]. Керштенс помимо кафедры и лаборатории возглавлял еще *Минералогический кабинет* (Демидовский) и был врачом университетской больницы [Волков, 2004, с. 102].

Политковский до прихода на кафедру химии был заведующим кафедрой естественной истории [Волков, 2003, с. 354].

Кафедра экспериментальной и теоретической физики была предусмотрена на философском факультете с самого открытия университета, но преподавание началось с 1757 г. Первым преподавателем физики, который вел исследования, а не только читал лекции, был П. И. Страхов. Он сделал из *физического кабинета*, где только демонстрировались опыты, экспериментальную лабораторию. Страхов возглавлял кафедру с 1791 по 1812 гг., а в 1803 г. был избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук [Левшин, 2005, с. 25].

Во второй половине XVIII столетия кроме МУ уже существовали и другие учебные заведения, где проводилась научная работа в области естествознания. В результате реформы высшего медицинского образования 1786 г. госпитальные школы обрели самостоятельность, став медико-хирургическими училищами (Московское, Петербургское и Кронштадтское). В каждом училище организовали четыре *кафедры: анатомии, физиологии и хирургии; ботаники, материи медика и химии; патологии, терапии и медицинской практики; акушерства, женских и детских болезней*. При этом учебной и клинической базой для преподавателей и студентов оставались госпитали. Еще одна реформа медицинского образования была проведена в 1798 г. Ее результатом стало создание двух медико-хирургических академий в Москве и Петербурге [Мирский, 1996].

Профессорско-преподавательский состав этих медицинских учебных заведений был достаточно мобильный, что позволяло некоторым из них менять места работы и улучшать условия для проведения исследований в выбранной ими области естествознания. Так, известный ботаник Ф. Х. Стефан, будучи дивизионным врачом, в 1786 г. стал профессором химии и ботаники в Московском медико-хирургическом училище. Для собственных научных занятий и для обучения студентов он активно использовал *аптекарский сад (огород)* при училище. Когда в 1804 г. Стефан был переведен в Петербург на должность профессора ботаники Медико-хирургической академии, то ему поручили возглавить заведование Ботаническим садом Академии наук [Волков, 2003, с. 423].

В развитии геологических исследований в России важную роль играло Горное училище, основанное в 1773 г., переименованное в 1804 г. в Горный кадетский корпус, который в 1833 г. стал Институтом корпуса горных инженеров. Среди основных учебных предметов этого учебного заведения были пробирное искусство, металлургия, химия, минералогия, горное и маркшейдерское искусство. С 1790-х гг. геологическая подготовка стала более специализированной с введением новых дисциплин — геогнозии и ориктогнозии. В 1798–1801 гг. здесь преподавал химию и минералогию академик В. М. Севергин, который с 1798 по 1803 гг. также эти дисциплины вел и в Медико-хирургической академии [Волков, 2004, с. 199].

Следует отметить, что уже во второй половине XVIII в. естествоиспытатели имели пусть и ограниченные, но все же определенные возможности для занятий научной деятельностью. Иллюстрацией этого тезиса может служить биография химика Т. Е. Ловица [Там же, с. 140–141]. В 1776 г. будущий ученый поступил в *Главную аптеку* в Петербурге, пройдя по всей служебной лестнице этого учреждения: от ученика к лаборанту, затем к провизору, и наконец став в 1797 г. его главной фигурой — аптекарем. Причем, выполняя добросовестно свои профессиональные обязанности, Ловиц занимался и научными исследованиями. С 1787 г. по 1797 г.

параллельно со службой в аптеке делал успешную карьеру в Академии наук, став академиком и профессором химии. Однако, чтобы еще больше внимания уделять научной работе, он в 1797 г., находясь официально на службе в Академии, создал свою *домашнюю химическую лабораторию*, где до конца жизни занимался экспериментальными исследованиями.

Дисциплинарная матрица научной деятельности в первой половине XIX в.

Создание системы университетского образования в крупных городах империи, организация научных и научно-практических обществ, музеев и научных комитетов при министерствах и ведомствах в первой половине XIX в. значительно расширили исследовательскую базу естествознания. У естествоиспытателей появились дополнительные возможности для занятий наукой. АН по-прежнему оставалась для этого самым благоприятным местом, хотя в количественном отношении ученых там по сравнению с высшей школой было уже значительно меньше. Академические вакансии возникали за счет появления немногочисленных новых когнитивно-институциональных структур. Среди них, пожалуй, можно говорить только об открытии трех музеев: Ботанического (1823), Зоологического (1832) и Минералогического (1836).

Ботанический музей был основан К. А. Триниусом на базе коллекций Кунсткамеры. Став его организатором и директором в 1823 г., он пригласил в музей в 1839 г. на место консерватора Ф. И. Рупрехта. Оба они активно занимались ботаническими исследованиями и стали академиками [Биология, 2011]. Этот музей существовал в Академии наряду с *ботаническим садом*, который был основан еще в 1737 г. И. Амманом. Его заведующими были И. Г. Сигезбек (1742–1747), И. Г. Гмелин (1747), С. П. Крашенинников (1747–1749), И. Х. Гебенштрейт (1749–1753, 1756–1759), Й. Т. Кельрейтер (1759–1761), С. Г. Гмелин (1767), Й. Гертнер (1768–1770), К. Ф. Вольф (1770–1773), И. И. Лепехин (1774–1802), И. Я. Рудольф (1804–1809) и Т. А. Смеловский (1809–1811) [Там же].

Зоологический музей возник на базе зоологических коллекций Натурального кабинета Кунсткамеры. Его первым директором в 1832 г. стал академик Ф. Ф. Брандт [Биология, 2011]. Кроме того, Брандт с 1843 по 1855 гг. преподавал зоологию и сравнительную анатомию в Главном педагогическом институте, а с 1852 г. состоял профессором по кафедре естественных наук Медико-хирургической академии в Петербурге [Волков, 2003, с. 75].

Минералогический музей был создан на базе Минерального кабинета Кунсткамеры в 1836 г. Кабинет официально получил статус музея, где первым его директором стал академик, кристаллограф А. Я. Купфер, а хранителем коллекций минералог А. Ф. Постельс. До прихода в музей Купфер работал на кафедре физики Казанского университета, а Постельс на кафедре минералогии и геогнозии Санкт-Петербургского университета. Купфер сыграл заметную роль в развитии физической науки в России. Он участвовал в создании *Главной физической обсерватории* при Институте корпуса горных инженеров, сотрудники которой проводили геофизические исследования по метеорологии, магнитным, электрическим, оптическим и акустическим явлениям [Иодко, 2015].

Основная же масса естествоиспытателей концентрировалась в высших учебных заведениях России. В Москве это были университет и Московское отделение Медико-хирургической академии. По университетскому уставу 1804 г. появились новые учебные кафедры. После реорганизации кроме *кафедры натуральной истории* (Демидовской) на физико-математическом факультете появились *кафедры ботаники, зоологии, минералогии и сельского домоводства*. Там же возникли *кафедры технологии и наук, относящихся к торговле и фабрикам, физики и физической географии с физическим кабинетом*.

Безусловно, эти процессы повысили когнитивно-институциональную мобильность ученых, что хорошо прослеживается при изучении их научных биографий. Так, основоположник теории земледелия в России М. Г. Павлов после окончания в 1815 г. МУ был оставлен на кафедре естественной истории; в 1821 г. он возглавил кафедру минералогии и сельского домоводства, а в 1827–1836 гг. заведовал кафедрой физики и физической географии. Кроме того, с 1822 по 1834 гг. Павлов был первым директором Московской земледельческой школы, где проводил свои экспериментальные работы в области почвоведения и агрономии [Волков, 2008, с. 218]. Исследования Павлова в области почвоведения, агрономии, физики, минералогии и геологии служат иллюстрацией того, что дисциплинарные границы для российских ученых первой половины XIX в. были достаточно подвижны.

На медицинском факультете МУ была организована новая для университетов *кафедра скотолечения*, которая со временем была преобразована в две *кафедры — ветеринарной науки и сравнительной анатомии и физиологии домашних животных*. Претерпела изменения и кафедра анатомии и хирургии, ставшая *кафедрой анатомии, физиологии и судебной медицины*. В результате принятия нового университетского устава 1835 г. добавились *кафедры сравнительной анатомии и физиологии домашних животных и терапевтическая клиника*, где будущие врачи и ученые получили возможность экспериментальной работы. В 1808 г. было создано Московское отделение Медико-хирургической академии с *терапевтической клиникой*. Наиболее сильными кафедрами в академии под руководством известных профессоров были: *ветеринарной диететики, фармакологии, патологии и терапии, физиологии и патологии, химии и фармакографии, а также общей терапии и наставлений писать рецепты* [Волков, 2003].

В первой половине XIX столетия в Петербурге крупнейшими научными центрами являлись АН, Университет, Медико-хирургическая академия (МХА), Институт корпуса горных инженеров (Горный кадетский корпус) и Главный педагогический институт. При этом надо отметить, что не на всех кафедрах учебных заведений профессора и преподаватели вели научную работу или проводили ее по профилю кафедры. Так, первый заведующий *кафедрой зоологии и минералогии* МХА А. Ф. Севастьянов никакими зоологическими исследованиями не занимался, а проработав там один учебный год (1808–1809), возвратился в АН, где он до этого работал по минералогической тематике. Профессор И. Т. Спасский на этой же кафедре состоял 12 лет (1822–1833), но все его печатные работы относились к медицине. Поэтому его переход в 1833 г. на *кафедру общей терапии и фармакологии с рецептурой* был вполне логичным [Там же, с. 400, 416].

Знаменательной вехой в истории МХА явилась организация Ветеринарного отделения (1808), где *кафедру анатомии* возглавил профессор И. Д. Книгин, *кафедру*

терапии — профессор Я. К. Кайданов и *кафедру хирургии* — профессор А. И. Яновский. В последующем кафедрой хирургии руководил профессор В. И. Всеволодов [История, 2002, с. 15]. Книгин, до того как возглавить кафедру Ветеринарного отделения, преподавал в МХА анатомию и физиологию, а в 1811 г. переехал в Харьковский университет на медицинский факультет [Волков, 2003, с. 232]. Кайданов до МХА служил в Петербургском военном госпитале. Интересно, что, будучи профессором и заведующим кафедрой, он до 1812 г. исполнял свои функции без жалованья [Там же, с. 214]. Также из военной медицины пришел Яновский, который был ординатором Главного сухопутного госпиталя и никакого отношения к ветеринарии не имел [Там же, с. 527]. В этом Отделении с 1817 по 1838 гг. работал автор первых отечественных учебников по эпизоотологии, фармакологии и терапии П. И. Лукин, который уже к тому времени защитил докторскую диссертацию в области ветеринарии [Там же, с. 288].

Преподаватели МХА особенно с естественнонаучным уклоном были когнитивно-институционально мобильны. В этом отношении показательна профессиональная карьера Э. И. Эйхвальда. До своего прихода в МХА, где он с 1838 по 1851 гг. был профессором на кафедре минералогии, зоологии и сравнительной медицины, Эйхвальд имел уже богатый послужной список. Во-первых, в 1821–1823 гг. состоял приват-доцентом Дерптского университета, читал зоологию, гельминтологию, геогнозию и палеонтологию. Во-вторых, в 1823–1827 гг. являлся ординарным профессором Казанского университета по кафедре зоологии, сравнительной анатомии и повивального искусства и участвовал в длительных экспедициях на Кавказ, к Каспийскому морю и Персии, где собрал большую коллекцию предметов флоры, фауны и минералов. В-третьих, в 1827–1832 гг. состоял ординарным профессором на одноименной кафедре Виленского университета, а с 1832 по 1838 гг. на той же кафедре Виленской МХА. И, наконец, в-пятых, уже работая в Петербургской МХА, Эйхвальд читал палеонтологию в Горном институте и минералогию в Инженерной академии, где им была создана *кафедра минералогии* [Там же, с. 513].

Экспериментально-аналитическое направление в области химии и минералогии получило значительный импульс с открытием в 1826 г. П. Г. Соболевским *Объединенной химической лаборатории* Горного кадетского корпуса и Департамента горных и соляных дел при Министерстве финансов. Важной вехой для развития науки в России стало то, что в этом учебном заведении в 1839 г. была открыта первая в стране *кафедра палеонтологии* [Там же, с. 513]. Одной из ведущих кафедр Горного кадетского корпуса являлась *кафедра металлургии*, где профессора и преподаватели имели одновременно хорошую теоретическую базу и богатый практический опыт работы на заводах, рудниках и в геологических экспедициях. Таким разносторонним специалистом являлся профессор Г. А. Иосса, который после окончания Горного кадетского корпуса в 1823 г. служил смотрителем платинового прииска на Урале. В 1829 г. он был отправлен в Германию, во Фрейбергскую горную академию, для подготовки к профессорскому званию, а с 1832 по 1868 гг. состоял профессором на этой кафедре и преподавал металлургию, галлургию, горное искусство и пробирное искусство [Заблоцкий, 2014].

Третьим по значению научно-образовательным центром в Российской империи в этот период был Дерпт с его университетом. Там были организованы кафедры, которых не было ни в Петербурге, ни в Москве, как например, *кафедра диететики, истории медицины и медицинской литературы* [Волков, 2003, с. 424]. Впервые здесь

появилась самостоятельная *кафедра физиологии* под руководством Л. Э. Цихориуса [Волков, 2003, с. 474]. Помимо сильной медико-фармацевтической школы в Дерпте получила развитие сельскохозяйственная наука во многом благодаря активной деятельности профессора *кафедры сельского хозяйства и технологии* И. Ф. Л. Шмальца, преподававшего почвоведение, учение о питании растений, земледелие, скотоводство, агрономию, садоводство и пчеловодство, науку об удобрениях, племенное дело, таксацию, лесное хозяйство и технологию. Он создал в 1834 г. в своем имении первое высшее учебное заведение в области сельского хозяйства (Сельскохозяйственный институт), который просуществовал пять лет. Но его выпускники организовали в 1836 г. Земледельческую школу в Горы-Горечке, которая затем в 1848 г. стала Горы-Горечким земледельческим институтом [Там же, с. 499].

Исследования в области физико-математических наук в Дерпте начались с Г. Ф. Паррота, возглавлявшего с 1802 по 1826 гг. кафедру физики. Он был первым ректором университета (1802–1813). В 1826 г. Паррот после избрания его ординарным академиком переехал в Петербург. Его сын И. Я. Ф. В. Паррот имел широкие научные интересы в области естествознания и медицины: в 1821–1826 гг. заведовал кафедрой физиологии, патологии и сельского хозяйства, а в 1826–1841 гг. *кафедрой физики и физической географии*. Так же, как и его отец, в 1831–1833 гг. он был ректором университета [Там же, с. 220–221].

Химия в Дерпте началась на *кафедре химии и фармации*, которую в 1803 г. возглавил А. И. Шерер. Но уже через год он переехал в Петербург, где в разное время преподавал в МХА, Горном кадетском корпусе и Главном педагогическом институте. Другой заведующий кафедрой К. Х. Т. Ф. Гебель в 1844 г. организовал при Дерптском университете *Фармацевтический институт*. В дальнейшем кафедра химии и фармации была реорганизована, в результате чего появилась самостоятельная *кафедра химии с химической лабораторией*, где, в частности, с 1831 по 1851 гг. проводил свои выдающиеся исследования в области химии платиновых металлов К. К. Клаус. Широкую известность получили исследования преподавателей кафедры сельского хозяйства, технологии и архитектуры Дерптского университета Б. С. Якоби по электрохимии и Г. П. А. Петцольда по агрохимии [Волков, 2004].

Геолого-минералогическое направление в Дерпте в первой половине XIX в. было представлено Э. К. Гофманом, который в период с 1833 по 1836 гг. читал лекции по геологии и минералогии. Еще до прихода в университет он в 1828 г. поступил на службу в Департамент горных и соляных дел при Министерстве финансов в Санкт-Петербурге и был сразу отправлен более чем на год в южно-уральскую экспедицию для разведывания месторождений драгоценных металлов. В 1837–1842 гг. Э. Гофман был профессором Университета святого Владимира в Киеве, где читал лекции, заведовал *Минеральным кабинетом* и участвовал в геологических экспедициях по различным районам Малороссии. В 1842 г. Гофман вернулся на службу в Министерство финансов и был назначен профессором минералогии Института корпуса горных инженеров, но большую часть времени находился в экспедициях по Сибири и Южному Уралу [Гофман, 2016].

Учебными и научными центрами Российской империи являлись также Вильно, Варшава, Казань, Харьков и Киев. Открытие в этих городах высших учебных заведений способствовало расширению исследовательской базы науки. Следует отметить, что естествоиспытателям в этих центрах помогало выживать и заниматься наукой то, что здесь в отличие от небольших городов России существовали профессиональные

учебные заведения. Совмещение работы в университете с должностями в этих учебных заведениях позволяло профессорско-преподавательскому составу не только прилично существовать, но и заниматься исследованиями. Так, М. Б. Шуберт после открытия Варшавского университета в 1818 г. был назначен деканом физико-математического факультета и одновременно возглавил *кафедру лесоводства* в только что открытой Школе лесоводства. Кроме того, он в 1825–1846 гг. являлся директором университетского Ботанического сада. Когда же в 1832 г. университет был временно закрыт, Шуберт получил приглашение на должность профессора ботаники в Школу фармацевтов, где преподавал в течение 20 лет [Волков, 2003, с. 504].

Надо отметить, что естествоиспытатели, специализирующиеся в области ботаники, в изучаемый период времени имели большие возможности получить рабочие места, чем представители других дисциплинарных сообществ. Например, Ф. Х. Стефан начал в России свою научную деятельность в 1798–1803 гг. в качестве управляющего *ботаническим садом в усадьбе* графа А. К. Разумовского в подмосковных Горенках. В 1804 г. он переехал в Петербург на заведование *ботаническим садом* в МХА. В 1809 г. поступил на службу в Лесной департамент Министерства финансов, а в 1811 г. был назначен директором Лесного института [Там же, с. 423]. Из этого примера видно, что ботаник Стефан, не меняя своей специализации, имел возможность заниматься научно-практической деятельностью в различных когнитивно-институциональных структурах (частном и ведомственном ботанических садах — «опытных полях» — и в государственных лесных угодьях).

Что касается отечественных физиков в первой половине XIX в., то их отряд был малочисленным; они являлись аутсайдерами среди других представителей естествознания как по тематике экспериментальных исследований, так и по разнообразию когнитивно-институциональных структур, где проводились эти исследования. Основной структурой, как и в XVIII в., оставалась кафедра физики с физическим кабинетом. Если в Европе физический кабинет по сути уже являлся больше музейной формой организации науки, уступив место физической лаборатории, то у нас последняя была скорее исключением, чем правилом. Таким исключением в отечественной науке стал физический кабинет, а по существу лаборатория АН, благодаря научно-организационной деятельности Э. Х. Ленца, сумевшего создать такую лабораторию в АН, где проводил свои исследования в области электричества и электротехники. До того как он в 1830 г. стал экстраординарным академиком и директором кабинета, Ленц успел в качестве физика принять участие в различных экспедициях от военного ведомства и АН. В 1836 г. он получил назначение на заведование кафедрой физики и физической географии Петербургского университета. Там он, как и в АН, сумел из физического кабинета сделать экспериментальную лабораторию и изобрести и сконструировать ряд оригинальных научных приборов. Кроме того, в разные годы Ленц преподавал физику в Михайловском артиллерийском училище, Главном педагогическом институте и Морском кадетском корпусе [Волков, 2008, с. 175]. Но в отличие от АН и университета там Ленц не вел экспериментальных исследований, ограничиваясь только чтением лекций с демонстрацией опытов.

С начала XIX в. отечественная наука получила возможность развиваться в относительно независимых от государства условиях при научных и научно-практических *обществах*. До начала XIX в. было создано только одно Волное экономическое общество, ориентированное на решение научно-практических задач в области сельского хозяйства, что имело большое значение для развития агрономии и зоотехники.

Некоторые общества могли позволить себе одержать небольшое число оплачиваемых на постоянных или временных ставках служащих, которые занимались и научной работой.

Среди наиболее «научеёмких» обществ (с наибольшим числом естествоиспытателей) были *Московское общество испытателей природы* при Московском университете (1805), *Медицинское общество* при Виленском университете (1805), *Общество соревнования врачебных и физических наук* (1804) при Московском университете; с 1845 г. *Физико-медицинское общество*, *Общество наук* при Харьковском университете (1812–1829), *Минералогическое общество* в Санкт-Петербурге (1817), *Московское общество сельского хозяйства* (1819), *Фармацевтическое общество в Санкт-Петербурге* (1819) и *Российское общество любителей садоводства* в Москве (1835).

Заключение

Изучение профессиональной мобильности естествоиспытателей в период с XVIII по вторую половину XIX в. позволяет сделать определенные выводы. Само понятие «профессиональная мобильность» требует четкого понимания границ его применимости по отношению к сообществу естествоиспытателей изучаемого периода времени, когда институционализация научной деятельности только начала формироваться, а ее дисциплинарные границы еще не сложились. Естествоиспытатели, цепляющиеся за свои профессиональные группы (врачей, фармацевтов, инженеров, агрономов, рудознатцев), были подобны бабочкам, еще не вылетевшим из коконов. С одной стороны, их мобильность была показателем определенной востребованности «человека науки» в российском социуме, а с другой, маркером, указывающим на его маргинальность в институтах науки, перенесенных в Россию из Европы.

Социализация естествоиспытателей определялась во многом не уровнем их научных изысканий, а деятельностью в качестве членов профессиональных групп. Другими словами, социальный статус врача, учителя или инженера был выше, чем ученого. Только в конце 40-х гг. XIX столетия в университетах, где была сосредоточена основная масса естествоиспытателей, появилось обязательное требование к проведению оригинальных научных исследований для защит диссертаций с целью получения профессорских званий. Поэтому научная деятельность часто сопутствовала профессиональной практике, что, безусловно, отражалось на мобильности естествоиспытателей.

Социализация отечественных ученых начиналась в госпиталях, аптеках, рудниках, сельскохозяйственных усадьбах, поисковых экспедициях, инструментальных мастерских, на заводах, строительстве верфей, фортификационных и архитектурных сооружений. Потребовалось время, чтобы экспериментальная деятельность переместилась в научные экспедиции, лаборатории, обсерватории, анатомические театры, ботанические сады, опытные мастерские, поля и фермы.

Период XVIII — первой половины XIX в. — это время «преддисциплинарного» существования отечественного естествознания, когда представители физических, химических, геолого-минералогических и биологических наук еще не объединились в самостоятельные дисциплинарные сообщества. Но ростки этих сообществ

в лице когнитивно-институциональных структур уже появились. В высших учебных заведениях возникли специализированные кафедры физики, химии, ботаники, зоологии, минералогии и геологии, кабинеты физики и минералогии, химические лаборатории и даже первое минералогическое общество.

Изучение профессиональной мобильности ученых в исторической ретроспективе показывает противоречие между организационными формами отечественной науки того времени и реальным когнитивным их наполнением научно-педагогическими кадрами, противоречие между логикой развития научного сообщества и административным строительством дисциплинарных институтов науки. Особенно ярко это проявилось в университетской науке, когда были созданы кафедры по европейской матрице, а российские реалии располагали к синкретизму в естественных науках, в результате чего некоторые позиции на кафедрах или не были заняты, или их представляли специалисты по смежным дисциплинам, которые при первой возможности покидали занимаемые должности, что приводило к текучести научно-образовательных кадров. Профессиональная мобильность ученых является показателем их социализации, когда преодолеваются барьеры между научной, педагогической и практической деятельностью. Ученый получает возможность быть ученым не только в АН, но и в образовании, и в социально-экономической сфере (промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, транспорте, здравоохранении и медицине). Уже в XVIII в. на уровне отдельных естествоиспытателей эти барьеры преодолевались, но даже в первой половине XIX в. еще не сложилась система коммуникаций, связывающих науку, образование и технологии в дисциплинарные профессиональные сообщества. Они начнут складываться только во второй половине 60-х гг. XIX в., а в первой половине столетия, пожалуй, ближе всего к формированию профессионального сообщества подошли представители геолого-минералогических наук. Во многом это было связано с осознанием ими себя в качестве независимой профессиональной группы со своими научными и практическими задачами и уже имеющимися институтами профессии.

Литература

- Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2008: Энциклопедический словарь. СПб., 2011. 568 с.
- Волков В. А., Куликова М. В. Российская профессура. XVIII — начало XX вв. Биологические и медико-биологические науки. Биографический словарь. СПб., 2003. 548 с.
- Волков В. А., Куликова М. В. Российская профессура. XVIII — начало XX вв. Химические науки. Биографический словарь. СПб., 2004. 275 с.
- Волков В. А., Куликова М. В. Российская профессура. XVIII — начало XX в. Физико-математические науки. Биографический словарь. СПб., 2008. 360 с.
- Гофман, Эрнст Карлович // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения 10.10.2016)
- Заблоцкий Е. М. Горное ведомство дореволюционной России. Очерк истории. Биографический словарь. М., 2014. 280 с.
- Зайцева Е. А. Химия в Московском университете на основной кафедре химии и химическом отделении. URL: <http://www.chem.msu.ru/rus/history/chemdept-history-1.html> (дата обращения 09.08.2016)
- История развития военной ветеринарии в России 1707–2002. Методическое пособие / И. С. Колесниченко, Т. И. Минеева. М., 2002. 41 с.

Крафт Георг-Вольфганг // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1890–1907. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/133136/%D0%9A%D1%80%D0%B0%D1%84%D1%82 (дата обращения 09.08.2016)

Левшин В. Л., Трухин В. И. Очерки развития физики в Московском университете (часть 1) // Вестник ОГУ. Т. 2. № 10. 2005. С. 24–34.

Лазебник Л. Б., Беляева В. С. Николай Ламбертович Бидлоо (1670–1735 гг.), Павел Захарович Кондоиди (1710–1760 гг.) (к 340- и 300 летию со дня рождения) // Экспериментальная и клиническая гастроэнтерология. № 5. 2010. С. 99–103.

Мирский М. Б. История медицины и хирургии: учебное пособие для студентов учреждений высш. проф. образ. М., 1996. 528 с.

Моисеева Т. М. Физический кабинет Кунсткамеры // Природа. № 9. 2003. С. 94–96.

Трифонов Д. Н. История химии в России. Краткие очерки: Учебное пособие РХТУ им. Д. И. Менделеева. М., 2002. 96 с.

Утенкова Н. Ф. Естественнаучный материализм в России XVIII века. М., 1971. 200 с.

Шобер, Готтлиб // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения 09.09.2016)

Vicinich A. Science in Russian Culture to 1860. A History to 1860. Stanford, 1963. 486 p.

Cognitive-Institutional and Subject-disciplinary Mobility of the Russian Natural Scientists in the XVIII — the First Half of the XIX Centuries

ALEXANDER N. RODNY

principal scientific researcher

at the Institute for the History of Science and Technology of the RAS,

Moscow, Russia;

e-mail: anrodny@gmail.com

Cognitive-institutional and subject-disciplinary aspects of forming of the Russian natural scientists community in the 18th – first half of the 19th centuries are researched based on the scientists professional mobility concept. The origins of the natural science (biologists, chemists, physicists, mineralogists and geologists) disciplinary communities are traced. Processes of scientists' socialization within the new organizational forms of experimental science (research expeditions, chemical, physical and mineralogical laboratories, meteorological observatories, pilot workshops, gardens, fields and farms) are considered. The paper is focusing on questions of scientists specialization which began in Academy of Sciences and was developed in higher educational institutions and scientific and practical societies. Conclusions in the context of the current research may represent a reference point for further study of historical and scientific problems of scientists' professional activity.

Keywords: professional mobility of scientists, natural scientists, history of the 18–19th century science, scientific discipline, academic discipline, laboratory, department, natural-science office, museum, scientific society.

References

- Biologiya v Sankt-Peterburge. 1703–2008: Entsiklopedicheskiy slovar (2011) [Biology in St Petersburg. 1703–2008: Encyclopedic Dictionary]. SPb. 568 s. (in Russian).
- Gofman, Ernst Karlovich // Vikipediya. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (date accessed 10.10.2016) (in Russian).

Istoriya razvitiya voennoy veterinarii v Rossii 1707–2002 (2002) [History of Development of Military Veterinary Science in Russia 1707–2002]. Metodicheskoe posobie / I. S. Kolesnichenko, T. I. Mineeva. M. 2002. 41 s. (in Russian).

Kraft Georg-Volfgang [Kraft Georg-Volfgang] // Entsiklopedicheskii slovar F. A. Brokgauza i I. A. Yefrona [F. A. Brockhaus and I. A. Efron' Encyclopedic dictionary]. SPb. 1890–1907. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/133136/%D0%9A%D1%80%D0%B0%D1%84%D1%82 (date accessed 09.08.2016) (in Russian).

Lazebnik L. B., Belyaeva V. S. (2010) Nikolay Lambertovich Bidloo (1670–1735 gg.), Pavel Zakharovich Kondoidi (1710–1760 gg.) (k 340- i 300-letiyu so dnya rozhdeniya) [Nikolay Lambertovich Bidloo (1670–1735 years), Pavel Zakharovich Kondoidi (1710–1760 years) (to the 340- and 300 anniversary since birth)] // *Ekspperimental'naya i klinicheskaya gastroenterologiya* [Experimental and clinical gastroenterology]. № 5. S. 99–103 (in Russian).

Levshin V. L., Trukhin V. I. (2005) Ocherki razvitiya fiziki v Moskovskom universitete (chast 1) [Sketches of Development of Physics at the Moscow University (part 1)] // *Vestnik OGU* [Bulletin of the Omsk State University]. T. 2. № 10. C. 24–34 (in Russian).

Mirskiy M. B. (1996) Istoria meditsiny i khirurgii: uchebnoe posobie dlya studentov uchrezhdeniy vyssh. prof. obraz. [History of Medicine and Surgery: The Education guidance for students of institutions of higher professional education]. M., 1996. 528 s. (in Russian).

Moiseeva T. M. (2003) Fizicheskiy kabinet Kunstkamery [Physical Cabinet Kunstammer] // *Priroda* [Nature] № 9. S. 94–96 (in Russian).

Trifonov D. N. (2002) Istoriya khimii v Rossii. Kratkie ocherki: Uchebnoe posobie [Chemistry History in Russia. Short Sketches] / RChTU im. D. I. Mendeleeva. M., 2002. 96 s. (in Russian).

Utenkova N. F. (1971) Yestestvennonauchnyy materializm v Rossii XVIII veka [Natural-science materialism in Russia the XVIIIth century]. M., 1971. 200 s. (in Russian).

Shober, Gotlib). [Shober, Gottlieb] // Vikipediya URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (date accessed 09.09.2016) (in Russian).

Vicinich A. (1963) Science in Russian Culture to 1860. A History to 1860. Stanford, 486 p.

Volkov V. A., Kulikova M. V. (2003) Rossiyskaya professura. XVIII — nachalo XX vv. Biologicheskie i medico-biologicheskie nauki. Biograficheskiy slovar [Russian professorate. XVIII — beginning of the XXth centuries. Biological and Medicobiological sciences. A Biographic dictionary]. SPb., 2003. 548 s. (in Russian).

Volkov V. A., Kulikova M. V. (2004) Rossiyskaya professura. XVIII — nachalo XX vv. Khimicheskie nauki. Biograficheskiy slovar [Russian professorate. XVIII — beginning of the XXth centuries. Chemical sciences. A Biographic dictionary]. SPb., 2004. 275 s. (in Russian).

Volkov V. A., Kulikova M. V. (2008) Rossiyskaya professura. XVIII — nachalo XX vv. Fiziko-matematicheskie nauki. Biograficheskiy slovar [Russian professorate. XVIII — beginning of the XXth centuries. Physical and Mathematical sciences. A Biographic dictionary]. SPb., 2008. 360 s. (in Russian).

Zablotskiy Ye. M. (2014) Gornoe vedomstvo dorevolyutsionnoy Rossii. Ocherk istorii. Biograficheskiy slovar [Mountain Department of Pre-revolutionary Russia. History Sketch. Biographic dictionary] M., 2014. 280 s. (in Russian).

Zaizeva E. A. (2016) Khimiya v Moskovsom universitete na osnovnoy kafedre khimii i khimicheskoy otdelenii [Chemistry at the Moscow University at the Main Department of Chemistry and Chemical Office]. URL: <http://www.chem.msu.ru/rus/history/chemdept-history-1.html> (date accessed 09.08.2016) (in Russian).

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ КОННОВ

кандидат социологических наук,
доцент МГИМО МИД,
Москва, Россия;
e-mail: v.konnov@inno.mgimo.ru

УДК 001.89.159.9.019

Формирование теоретико-методологической базы психологических исследований на этапе становления Института психологии АН СССР¹

Проводится исследование серии статей директора Института психологии АН СССР Б. Ф. Ломова, выходящих в научных и политических журналах после учреждения института. Учитывая, что Ломов выступал одновременно и представителем сообщества психологов, и руководителем института, и главой научной школы, автор исходит из гипотезы, что в содержании статей должны были отразиться интересы, связанные с каждой из этих ролей. С целью определить, какие это могли быть интересы, дается характеристика положения социогуманитарных дисциплин в Советском Союзе 1960–1970-х гг. Существующее положение дел предопределяло острую заинтересованность дисциплин данного круга в том, чтобы утвердить свой научный статус и добиться признания достоверности получаемых ими данных. Психологию отличал относительно высокий уровень признания как внутри научного сообщества, так и со стороны государственной бюрократии.

Применяется дискурс-анализ и риторический анализ, которые позволяют продемонстрировать, что главными целями, преследуемыми в теоретическом дискурсе, были: продвижение концептуальной схемы, позволявшей оформить единство психологии при сохранении специфики ее отдельных направлений; утверждение научного статуса психологии с опорой на теорию систем; демонстрация практического значения психологических исследований. Главная задача заключалась в утверждении рамочной теории, что позволило бы Институту психологии осуществлять предписанную ему учредительными документами координацию психологических исследований, ведущихся в других научных организациях. В качестве такой рамки предлагалась системная психология, препятствием продвижению которой выступала теория деятельности, также выдвигаемая на роль рамочной теории. Развитие теоретического дискурса в статьях Б. Ф. Ломова показывает, что заочная дискуссия между двумя подходами развивалась в направлении компромисса, при котором ведущую роль в «общей психологии» продолжала играть теория деятельности, а системная психология могла беспрепятственно утвердиться как направление, нацеленное на объединение знаний, получаемых в различных отраслях психологии, и их сочетание с данными других наук.

Ключевые слова: история советской психологии, системная психология, история социогуманитарных наук, Институт психологии РАН, социология психологии.

16 декабря 1971 г. на предновогодней сессии Президиума АН СССР после недолгой, но напряженной дискуссии было принято решение о создании Института психологии. Последующая зима ушла у главного инициатора создания нового

¹Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 16-06-00928.